

Глава 4

ПОСОЛЬСКИХ ДЕЛ РАЗОРИТЕЛЬ

Автор этих строк в энциклопедической статье, написанной лет десять назад, примерно в 1994 году, назвал государя Ивана Васильевича «ведущим дипломатом» державы²⁵⁰. Николай Михайлович Рогожин, настоящий большой специалист по средневековой русской дипломатии²⁵¹, заметил: «Ну что вы, батенька! Настоящими-то дипломатами были посольские дьяки — Висковатый, Щелкаловы...» И он был, конечно, прав, в том смысле, что истинными профессионалами, на которых держалась внешняя политика Московского государства, были все-таки главы Посольского приказа — тогдашнего Министерства иностранных дел. Именно они играли роль специалистов высочайшего уровня, лучших из лучших в этой области. С другой стороны, разработка ключевых решений в области дипломатии традиционно была частью «монаршей работы». И стратегию международных отношений определял сам государь, *используя* в большей или меньшей степени знания и опыт профессионалов. Иероним Граля, автор превосходного труда об И.М. Висковатом, главе дипломатической службы России, показал последнего главным «экспертом» по проблемам внешней политики, но никак не персоной, прокладывающей маршрут этой политики²⁵².

До второй половины 1540-х годов Ивана Васильевича вряд ли по-настоящему допускали к дипломатическим вопросам. Позднее государь уже мог влиять на них. Так, например, важна была его непримиримо-твердая позиция по

поводу войны с Казанью²⁵³. И лишь со второй половины 50-х, как уже говорилось, он обрел достаточную самостоятельность от Боярской думы, чтобы оказывать определяющее воздействие на российский внешнеполитический курс. В дальнейшем, до самой кончины, Иван IV остается главным стратегом российской дипломатической деятельности.

Нельзя сказать, чтобы он был совершенно бездарен как дипломат. Некоторые историки, напротив, считали его масштабным и глубоким творцом внешней политики России. Р.Ю. Виппер, в частности, писал: «Среди московской дипломатической школы в качестве первоклассного таланта выделяется сам Иван V»²⁵⁴. Действительно, на арене больших международных игр ему удавалось добиться серьезного успеха. Так, стратегически верным был выбор приложения главных военно-политических усилий во второй половине 50-х годов XVI столетия: не против Крыма, а против Ливонии²⁵⁵; нельзя не признать остроумным ход с привлечением папы Римского к трудным переговорам со Стефаном Баторием в начале 80-х (и ведь это действительно помогло делу!); гибкая политика проводилась в отношении англичан — им давали льготы по торговым делам в зависимости от того, насколько они оказывались способны к услугам в делах политических; наконец, затея с привлечением Магнуса Ливонского на сторону Московской державы выше всяческих похвал. И, видимо, на истории Магнуса стоит остановиться подробнее. Герцог Магнус, брат датского короля Фредерика II, в 1570 году получил от Ивана Васильевича несколько прибалтийских городов и гордое звание «короля Ливонского». В 1573 году его женили на Марии Владимировне Старицкой, причем свадьба прошла с большой пышностью²⁵⁶. Таким образом, принц породнился и с российским царским домом. Магнус участвовал в войне на стороне России, а также выполнял роль союзника, которому легче было договориться с местным дворянством и городами. Его королевство представляло собой «буферную

зону», получавшую поддержку и от России, и от датчан. Подданные Магнуса вновь обретали все свои старые привилегии, а заодно и новые льготы — по торговле на территории России. В свою очередь марионеточная «держава» становилась экономической зоной, связывающей европейских торговцев с Московским государством. Чем-то вроде допетровского «окна в Европу». Идея была хороша...

Но!

При всем том не в характере государя было вовремя остановиться в своих требованиях, ограничить проявление эмоций ради холодного дела дипломатии, увидеть приоритет державных интересов над личными. Увлечись игрой страстей, политической интригой, государь в большей степени стремился предъяснить иностранцам собственное остроумие и ученость, нежели добиться конкретных результатов. Тот же Роберт Юрьевич Виппер дает точную характеристику стилю Грозного-дипломата: он «...любил выступать лично в дипломатических переговорах, давать иностранным послам длинные аудиенции, засыпать их учеными ссылками, завязывать с ними споры, задавать им трудные или неожиданные вопросы; он чувствовал себя в таких случаях настоящим артистом... (курсив мой. — Д. В.) В политическом таланте Грозного замечаются, однако, те самые шероховатости и излишества и в его литературной манере, в развлечениях его повседневной жизни. Неуравновешенная натура легко увлекает его к резкостям, к заносчивости»²⁵⁷.

«Артист» — точное слово в точном месте. Государь Иван Васильевич *играл* великого дипломата. Пытался произвести впечатление на «публику». Театральная поза, амбиция, воспламенившаяся под действием всеобщего внимания к могущественному «Москвиту», вели его ум к выходкам и балаганным трюкам, но не позволяли проявить твердость в намерениях и действиях. В любом значительном успехе он видел нечто естественное, принадлежащее ему по неведомому, но твердому праву, а потому и не заботился о

его развитию. На волне побед государь бывал чрезмерен в требованиях и тем губил уже, казалось бы, полученную политическую прибыль. Зато неудачи ввергали его в избыточную уступчивость.

С тем же Магнусом Ливонским Иван Васильевич в 1577 году поступил жестоко, унизил и едва не убил его за самовольство. Но все же государь продолжал ему доверять, с необыкновенной беспечностью полагаясь то ли на страх короля перед московскими полками, то ли на чувство благодарности к русскому царю за прежние благодеяния... Но король, будучи мотом, пьяницей²⁵⁸, неудачливым воителем, ко всему еще и проявил склонность к измене. Предательство Магнуса дорого обошлось нам на Ливонском театре военных действий²⁵⁹. Весь удачный эксперимент с «буферным королевством» рухнул²⁶⁰.

Дважды Иван IV вел переговоры с королевой Елизаветой I, добиваясь согласия принять его с семьей под покровительство английской короны, если злоба подданных выгонит монарха из страны. Само по себе подобное действие, исходящее от православного государя по отношению к государю инославному, нелепо и позорно. Мало того, Иван Васильевич сопровождал его попытками сватовства то к самой королеве, то к ее родственнице Мэри Гастингс, то уж совсем неопределенно — «к кому-нибудь» из родственниц Елизаветы. Его собственная жена Мария Федоровна Нагая была в то время жива и здорова, но царь не сомневался в легком решении проблемы развода...²⁶¹ Да что за срам! Даже подлая приказная братия хихикала над Иваном Васильевичем, называя его «английским царем». Но и стремясь добиться решения столь важной для себя задачи, как предоставление «политического убежища», царь не сумел сдержаться ярости от уклончивых ответов англичан и опустил до оскорблений: «...видно, у тебя, помимо тебя (Елизаветы), другие люди владеют (властвуют), и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах

и о чести, и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков!»²⁶²

Упорство польского короля Сигизмунда II Августа в военных предприятиях против Московского государства подпитывалось царской «вежливостью». Среди прочего, Иван Грозный удостоил его намека на бездетность: «Вот умрешь ты, от тебя и поминка не останется».

Особенных оплеух удостоился шведский король Юхан III. Его Иван Васильевич именовал «безбожником», сравнивал с «гадом» (змеей), род его назвал «мужичьим»²⁶³. Одно из посланий Иван IV завершает следующим образом: «А если ты, раскрыв собачью пасть, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты не напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем»²⁶⁴. Разумеется, Юхан III остается непримиримым врагом России вплоть до последних кампаний Ливонской войны. А окончил ее шведский монарх «мужичьего рода», отторгнув от России обширные земли.

Б.Н. Флоря показал, насколько беспомощен оказался Иван Васильевич в борьбе за опустевший в 1572 году польский престол, насколько неуместной была его политическая риторика, насколько лишен был его курс гибкости. Царя поддерживала сильная партия сторонников, но он не удосужился поддержать их даже столь тривиальной мерой, как отправка посольства с официальными предложениями! Ему показалось достаточным выступить с цветистой «предвыборной» речью перед гонцом из Польши и послать несколько писем... В результате война продолжилась, а один из преемников скончавшегося Сигизмунда II Августа, Стефан Баторий, нанес России ряд тяжелых поражений²⁶⁵.

Притом Иван IV долго не рассматривал Батория как серьезную политическую силу, и даже в ходе боевых действий, складывавшихся крайне неудачно для Московского государства, все еще продолжал оскорблять его в посланиях. В 1579 году, когда неприятности завершающего этапа Ливонской войны уже начались, царь в письме величается перед выборным королем своим происхождением и корит Батория отступничеством от христианства. Польский государь и сам не отличался особой корректностью, поэтому Иван Васильевич упрекает его: «Мы твою грамоту прочли и хорошо поняли — ты широко разверз свои высокомерные уста для оскорбления христианства. А таких укоров и хвастовства мы не слышали ни от турецкого султана, ни от императора, ни от иных государей. А в той земле, в которой ты был²⁶⁶, и в тех землях, тебе самому лучше известно, нигде не бывало, чтобы государь государю так писал, как ты к нам писал. А жил ты в вере басурманской, а вера латинская — полухристианство, а паны твои держатся иконоборческой лютеранской ереси». Со своей точки зрения, государь во всем прав, но ему необходимо решить серьезные дипломатические задачи, а он вместо этого вступает в невнятную перебранку... Летом 1581 года, когда дела на западном фронте идут из рук вон плохо, Иван Васильевич отправляет Стефану Баторию еще одно письмо, по внешней видимости смиренное, однако же наполненное колкостями и попреками. В начале послания стоит знаменитая фраза: «Мы... удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова Российского царства и иных многих государств и царств, скипетродержатель великих государств, царь и великий князь вся Руси... по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению...»²⁶⁷ — намек на «второсортность» королевского титула, полученного по результатам шляхетских выборов. Страна бедствует, вооруженные силы находятся в состоянии, близком к полному разложению, враг глубоко вклинился в русскую территорию, а царь желает выглядеть красиво и выйти победителем

из словесных перепалок. Вот он, «первоклассный талант»! Вот она, «крупная политическая сила»!

Между тем переговоры с польским и шведским королями приводят к тяжелым территориальным потерям: Иван IV теряет Полоцк, собственно русские Велиж, Ям, Копорье, Ивангород, Корелу, а также все ливонские завоевания. По мнению ряда исследователей, уступки были чрезмерными. Особенно в условиях, когда Польша уже вышла из войны²⁶⁸, а Швеция продолжала боевые действия. Это открывало возможность хотя бы частичного реванша. Как раз тогда русские войска разбили шведов у Лялиц и отбросили от Орешка. Но государь не решился... Трудно сказать, насколько верным было мнение о необходимости выйти из войны любой ценой, когда противник оставался только один. Во всяком случае, оно вызывает сомнения.

Любопытно, что Иван Васильевич испытал на себе заносчивость соседей, но она не послужила для него уроком. Девлет-Гирей после сожжения Москвы в 1571 году писал русскому царю, проявляя крайнее высокомерие: «...Ты не пришел и против нас не стал. Ты похваляешься, что, де, яз — Московский государь, и было бы в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял!»²⁶⁹ И где была та сила и та гордость татарская в 1572 году, когда наши воеводы на Молодях резали крымскую рать? Поила буйной кровью нашу землю. Кажется, отчего бы православному государю не увидеть в наказании гордых проявление воли Господней? Ан нет, он и сам великий гордец...

Тяжелое поражение России в Ливонской войне явилось в значительной степени результатом царского фиглярства. Отношения с воинственным Крымом не нашли приемлемого дипломатического решения на протяжении всей политической деятельности государя. Наконец, эскапады с поиском «политического убежища» на территории Англии, поспешным сватовством к Елизавете I и ее родственницам, выставили на посмешище и самого Ивана IV, и всю державу. Общий итог деятельности Ивана Васильевича в дипломатической сфере — явно отрицательный.